

Чжоу Цыбай, увидев ответ: [Хорошо, в День святого Валентина жду тебя], сначала обрадовался. Значит, те дни в средней школе запомнились не только ему. Гу Цзицин тоже хранил те воспоминания, раз согласился на встречу в такой день.

Потом его осенило:

Стоп, свидание в День святого Валентина.

Гу Цзицин просто... согласился?!

Разве он не хотел провести этот день с ним?

Хотя технически они всё равно будут вместе, но Гу Цзицин же не знает, что «Бай Чжоу» – это он! Как можно так легко соглашаться?!

Чжоу почувствовал обиду. Они ещё не пара, но скоро станут. Как Гу может быть таким беззаботным?

- Гу Чжи-Чжи, как ты планируешь провести 14 февраля? – спросил он тихо, глядя в телефон.

Гу Цзицин, заметив лёгкую ревность, сдержал улыбку:

- Бай Чжоу пригласил меня. Он же второй «папа» Чжоу-Чжоу. Надо встретиться.

- А ты не подумал, что я тоже могу тебя пригласить? – Чжоу надул губы.

- Но 14-е ещё до фестиваля фонарей. Ты разве не будешь с семьёй? – Гу сделал вид, что не понимает.

Чжоу немного смягчился: Гу всё же учитывает его обстоятельства.

- Но ты согласился на встречу с Бай Чжоу... – голос его стал кислым.

Как этот прямолинейный болван вообще решил играть в маскировку?

Гу Цзицин отвернулся к окну, скрывая улыбку:

- Да, согласился. Благодаря ему у меня появилась Чжоу-Чжоу. И тогда... он показал, что я кому-то нужен.

Вспомнив того мальчика, который врывался в танцзал с синяками и просил перевязать раны, Гу почувствовал тепло. В те дни он уже не верил слепо матери, но ещё не стал взрослым. Отказ от рисования и танцев оставил пустоту. Если бы не тот мальчик...

Чжоу, забыв про ревность, расплылся в улыбке. Выходит, «Бай Чжоу» для Гу особенный. Значит, он – школьная любовь Гу! Когда правда откроется, Гу будет счастлив.

Он уже представлял, как готовит розы, свечи, кольцо... Идеальное признание!

[Хорошо, жду сюрприза!] – быстро ответил он.

Гу усмехнулся, глядя на сообщение: [У меня тоже будет сюрприз для тебя.]

Но сначала стоит проучить врунишку.

- Кстати, - вдруг добавил он, - ты говорил, что в школе влюбился в девочку. Молился в дневнике встретить её снова. Значит, я не твой первый?

Вопрос прозвучал невинно, без ревности.

Чжоу застыл.

- А в старших классах ты мечтал о свиданиях с той самой «богиней»?

Тон оставался спокойным, но Чжоу бросило в жар.

- Нет! Ты - мой первый и единственный! - запротестовал он.

Гу Цзицин рассмеялся, глядя на его панику в отражении окна:

- Просто ты такой милый, когда тупишь.

- Почему я тупой?!

- Потому что.

- Объясни!

- Не буду.

- Гу Чжи-Чжи!

- Эй, - оборвал их старшеклассник спереди, - вы слишком громко флиртуете! Мешаете мне объяснять задачки девушке!

Чжоу, покраснев, вытащил Гу на следующей остановке.

- Ты стал вредным, - пробурчал он, держа его за руку.

- Тебе не нравится? - Гу наклонил голову.

- Нравится. Очень.

Ему нравился этот Гу Цзицин - капризный, игривый, настоящий.

- Тогда проводи меня в общежитие. Мне нужно кое-что взять.

В пустом коридоре Чжоу ждал у двери, ворча:

- Обманщик.

А Гу Цзицин достал с верхней полки чемодан. Под слоём одежды лежал пакет с белым шифоновым танцевальным платьем - тем самым, с фото.

Его сшила Инь Лань для выступления «Жертвоприношение луне». Тогда, после ухода двоюродной сестры за границу, он перестал танцевать. Лишь на первом курсе надел его в последний раз.

Если Чжоу - тот мальчик, почему он не узнал его тогда? Наверное, не пришёл на концерт.

Но если их расставание было слишком внезапным, новая встреча должна быть особенной.

Гу примерил платье перед зеркалом.

Он давно не стригся – чёлка и виски отросли, хотя до «девичьей» стрижки ещё далеко. Причёсанные, смотрелись бы неплохо.

Но он давно не танцевал, да и вырос. Чжоу Цыбай кормил его, как рыжего кота – вдруг располнел? Платье сидело бы странно.

Если что – виноваты свиные рёбрышки от Чжоу.

Гу Цзицин расстегнул пуховик, снял одежду, накинул платье. Шёлковые слои запутались. Он повернул голову, поправляя ткань на плече, как вдруг – щёлк! – свет погас.

Общежитие погрузилось во тьму. Скорее всего, закончилась оплата за электричество.

Не успел он пошевелиться, дверь распахнулась:

- Гу Цзицин! Ты в поря...

Голос Чжоу застрял в горле.

Точно как в их первую встречу.

Тогда он тоже ворвался в комнату, застав Гу Цзицина с полуодетым платьем. Взгляд через плечо – приподнятые уголки глаз с алыми родинками, растерянность.

В юности детали стёрлись, осталось лишь ослепляющее впечатление.

Сейчас же тот, кто покорило его сердце годами раньше, стоял перед ним взрослым. Черты лица отточены, шея изящна, ключицы резко очерчены под прозрачной тканью. Лодыжки мелькали под подолом.

Лунный свет размывал контуры, но Чжоу ясно осознавал: перед ним мужчина.

Красивый настолько, что даже ему, гетеро (бывшему?), стало стыдно за учащённый пульс.

Вспомнилась фраза из книги: «Сексуальная амбивалентность усиливает притяжение – универсальная истина»[1]. Раньше он не верил. Тело Гу Цзицина он знал наизусть, но сердце всё равно бешено колотилось.

Гу Цзицин, не понимая его оцепенения, поднял бровь:

- Я выгляжу странно?

Чжоу решил показать, какое влияние тот имеет на него. Захлопнув дверь, он подошёл, обнял Гу за талию, притянул к себе:

- Гу Цзицин... Можно я поцелую тебя?

Голос звучал хрипло, в карих глазах горело желание.

Гу подумал: их договор запрещал интим, но поцелуи не упоминались. Хороший финал для

идеального свидания.

Обвил руками шею Чжоу, кивнул:

- Да.

Авторское примечание:

Кот: Это просто награда за хорошее поведение, чмок-чмок!

Пёс (взволнованно): Одного чмока мало!!!

[1] Цитата из «Зеркало Японии: Герои и злодеи японской культуры» Иана Бурумы.

<http://bllate.org/book/14413/1274377>